

ТУРГЕНЕВ

Остались от козлика рожки да ножки,
Остались от козлика кожа да кости,
Да книга Тургенева в мягкой обложке,
Да холмик земли на зверином погосте.

Но дух его ходит теперь, где захочет,
Царапают небо рога-коромысло.
Иные поляны копытами топчет,
Иным интуициям внемлет и смыслом.

А будет готов – остановится время,
Откроется козлику высшая школа,
И выйдет к нему наивысший Тургенев,
И темя прожжёт наивысшим глаголом.

ИЛЬИЧ

Под утро вдруг ударил гром,
Качнулся дом.
Меня Ильич поцеловал,
Пока я спал.

Река молочная текла
Там, наверху,
И подпирала ангела
Спиной стреху.

Над косяками мёртвых рыб
Завыла выпь.
Ильич поправил капюшон,
Встал и ушёл.

И я искать его с тех пор
Приговорён.
Его глаза глядят в упор
Со всех икон,

Но нету Ильича нигде –
В земле, в воде –
И поперёк небесных врат
Не он распят.

И в блюде льётся молоко
Не для него.
И в мавзолее возлежит
Другой мужик.

МАЛЕНЬКИЙ АНГЕЛ

Хоть и лето ушло преждевременно,
Было ясно и как-то безветренно,
И под лунным мерцающим факелом
Подружился я с маленьким ангелом.

Он – в прозрачном серебряном платъице,
Я – в плаще антрацитово-кожаном.
А луна все никак не закатится,
Обещая нам столько хорошего.

Милый ангел, мой друг разговорчивый,
Окормляй мя духовною пищею!
Мы гуляем по паркам и рошицам –
Он летит, я стучу сапожищами.

Как обступит нас царство Кощеево,
Как сгустится тоска предрассветная,
Мы присядем на мёртвое дерево
Помолчать, подымить сигаретами.

Убоятся окрестные демоны
Огоньков наших ярких, как ладана,
И в дыму, голубом по-осеннему,
Я признаюсь во всём, что загадано,

Что шипит, как железо в окалине,
Что велит мне подземная Троица...
Не осудит меня ангел маленький,
И сердечко на том успокоится.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Хотел я вкусить неземного огня,
Хотел пировать меж Рубцовым и Блоком,
Но Родина щедро поила меня
Берёзовым соком,
Берёзовым соком.

Хотел в небесах проломить полынью,
Мечтал, что по-своему всё перекрашу,
Но Родина бросила в миску мою
Овсяную кашу,
Овсяную кашу.

Навеки забытый создателем клон,
Лежу на постели, бездельник и лодырь –
Мне Родина выдала льготный талон
На сладкую одурь,
На сладкую одурь.

Здесь в поле как брат мне любой колосок,
Здесь всё мне родное, канавы и травки.
В распухшее горло не лезет кусок –
Не надо добавки!
Не надо добавки!

Застынет однажды разинутый рот,
К принятию пищи полезной не годен,
И Родина мне чуть заметно кивнёт –
Теперь ты свободен,
Теперь ты свободен.

ПОДЗЕМНЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Посередине меж Белым и Черным морем,
На полпути из Когалыма в Крым,
Крысы сумели царство свое построить.
Столицу назвали Подземный Иерусалим.

Я там бывал проездом неоднократно –
Хорошие цены, сервис, умные лица.
Зимою тепло, летом довольно прохладно.
Темнота напрягает первые минут тридцать.

Потом привыкаешь, становишься на
четвереньки,
Тебе улыбаются девочки в шубках серых,
Вскоре перестают саднить ладони, колени,
Легко находишь дорогу в любых пещерах.

Роешься влажным носом в архейском грунте,
Длинные острые зубы точишь о камни.
Корни травы, нефтяной сладковатый студень,
Кости кротов, остатки мышечной ткани...

Время от времени с угольно-чёрного свода,
Скрипнув, как лифт, деревянный спускается
ящик.

Снаружи довольно и света, и кислорода,
Но лишь под землёй всё становится
настоящим.

Я там до отвала иным наедался хлебом.
Кто там побывал, ни за что не вёрнется
прежним.

Над градом подземным такое чудесное небо –
Тяжёлое, прочное, вселяющее надежду.

* * *

«Я спросил у свободного ветра...»

К. Бальмонт

Я спросил у свободного ветра:
Для чего мне духовные недра,
Отчего так тоскует душа?
И ответил мне ветер электро-
Механическим звоном в ушах,

Что душа-де тоскует о горнем
Мире – там её тонкие корни,
Солнце вечное светит над ним.
Там играет на мятой валторне
Сизокрылый седой серафим.

Под деревьями райского сада
Тонким кружевом тени дрожат,
И ложится меж ними душа –
Ничего-то ей больше не надо.

КОРШУН

Искупавшись, ляжем
У степной реки.
Над песчаным пляжем
Ровные круги

Чёрный коршун чертит
Сдвоенным серпом
В небе предвечернем,
Мутно-голубом –

Будто охраняет
До снотворной тьмы
Все подходы к раю
От таких, как мы.